

ГЛАВА 1

«**М**арс, Мелвин».

Здесь — где бы то ни было и когда бы то ни было — твое имя произносят задом наперед, и ты должен отреагировать моментально, едва заслышав его. Даже на толчке. Как в армии, вот только он никогда служил. Его притащили сюда совершенно против его воли.

— Марс, Мелвин?

— Да, сэр. Здесь, сэр. Сижу по-большому, сэр.

«Потому что где ж мне еще быть, как не здесь, сэр?»

Он не знал, почему они так делают, и ни разу не потрудился спросить. Ответ его все равно ни капельки не волновал. А вопрос может закончиться ударом дубинки охранника ему по голове сбоку.

Здесь, в Исправительном учреждении штата Техас в Хантсвилле, у него хватало и других забот. Тюрьму прозвали Стенным Блоком из-за стен из красного кирпича. Открывшаяся в 1849 году, она была старейшей из тюрем штата Одинокой Звезды¹.

А еще в ней есть камера исполнения смертной казни.

Официально Марс был заключенным 7-4-7, точь-в-точь как самолет. Поэтому охранники в отделении смертников тюрьмы, откуда его доставили сюда, про-

¹ Неофициальное название штата Техас.

звали Мелвина «Джамбо»¹. И хотя он не исполин, но и не коротышка. Большинство людей смотрит на него снизу вверх — поневоле. Шесть футов, да еще добрых два и три четверти дюйма.

Он знал свой точный рост, потому что его дотошно измерили на сборах НФЛ. Прямо-таки вдоль и поперек. Пока Марс проходил эту процедуру, его рассудок провел параллель с невольничьим рынком, где потенциальные владельцы методично осматривали и ощупывали живой товар. Что ж, в отличие от предков-рабов, он хотя бы огреб кучу денег за ущерб его организму, неизбежный к концу игровой карьеры.

А еще он по-прежнему весил двести тридцать фунтов. Ни жиринки, сплошь гранит. А это великое дело — при том дерьме, которое тут подают под видом еды, переработанном на больших фабриках, перегруженном жиром и натрием, а заодно химикатами, которые, наверное, идут в ход при производстве всего — от цемента до ковров.

«Убейте меня нежно своей говенной пищей».

Он провел в этом заведении столько же времени, сколько за его пределами.

И время это отнюдь не пролетело. По ощущениям прошло не двадцать, а все двести лет.

Но больше это роли не играет. Скоро все кончится. Придет день.

Его последняя-распоследняя апелляция.

Отвергнута.

Он покойник.

Его привезли в Хантсвиллскую тюрьму из отделения смертников блока Полунски в Ливингстоне, штат Техас, шестьюдесятью милями восточнее, в уповании, что уж на сей-то раз штат получит своего человечка

¹ «Д ж а м б о» (популярная слоновья кличка) — прозвище самолета «Боинг-747».

ПОСЛЕДНЯЯ МИЛЯ

после ожидания, затянувшегося на два десятка лет. На бледном лице его адвокатши застыло блеклое выражение, когда она поведала ему эту весть. Но она завтра проснется.

«А я — нет».

Скоро он услышит перестук каблуков, направляющихся в его сторону.

Пыхтение дородных тюремщиков, несущих блестящие кандалы.

Угрюмого начальника тюрьмы, который забудет его имя на следующий же день.

Набожного служителя божьего, вцепившегося в свою Библию и долдонящего свои стихи, потому что тебе якобы надо цепляться за что-то духовное по пути отсюда. Не из тюрьмы. Из жизни.

Штат Техас казнит больше заключенных, чем любой другой, — свыше пятисот за одни лишь последние тридцать лет. Почти столетие — начиная с 1819 года — это делали через повешение. Потом перешли на электрический стул, прозванный «Искрометным стариной», и за четыре десятилетия триста шестьдесят один заключенный был предан смерти через удар электротоком. Теперь Техас отправляет в мир иной с помощью смертельной инъекции.

Что в лоб, что по лбу — все равно труп.

По закону казнь не может начаться раньше шести вечера. Марсу сказали, что за ним придут в полночь. Что ж, лучше и не придумаешь, как потянуть волокиту, думал он. Денек предстоит взаправду долгий и взаправду дерьмовый.

Его называют Ходячим Трупом.

«Скатертью дорога», — слышал он от тюремщиков столько раз, что и счет потерял.

Ему не хотелось оглядываться. Только б не видеть эпицентр всего этого.

Но в самом деле — разве от этого отвертись?

Так что с приближением последнего мгновения он начал думать о них.

Убийства Роя и Люсинды Марсов — его белого отца и черной матери.

Тогда этот союз был диким, диковинным, даже экзотическим, особенно в Западном Техасе. Теперь такие встречаются сплошь и рядом. Теперь каждый ребенок, являющийся на свет, выглядит лоскутным одеялом, состряпанным из полусотни разных типов рода человеческого.

Один баклан, недавно зачалившийся на нарах, был порождением двурасовых родителей, в свою очередь тоже детей нетрадиционных браков. Так что новый ребенок — идиот, укокошивший продавца из-за стибренного в магазине пакетика лакричных конфет, — оказался мешаниной черного, коричневого и белого с толикой китайского. Да при этом еще и мусульманином, хотя Марс ни разу не видел, чтобы тот преклонял колени и молился по пять раз на дню, как некоторые из здешних. Зовут его Анвар, и родом он из Колорадо.

И он принялся талдычить людям, что на самом деле хочет быть Алексисом.

Сев на койке в своей камере, Марс поглядел на часы. Пора позаниматься. Правду говоря, в самый распоследний раз.

На спине его белого комбинезона были набиты черные буквы *D* и *R*, означающие «*death row*», то бишь «коридор смертников». Марс воспринимал их как погремушку гремучей змеи, предупреждающую окружающих, чтобы убирались с дороги к чертям.

Опустившись на прохладный бетонный пол, он сделал две сотни отжиманий — сперва на кулаках, потом на кончиках пальцев и наконец из позы собаки мордой вниз, слегка касаясь лысой макушкой бетона при каждом повторе. Потом проделал три сотни глубоких приседаний за шесть подходов со взрывным распрямлением

ПОСЛЕДНЯЯ МИЛЯ

в каждом повторе — глубинными зарядами, как он называл их про себя. Потом последовали йога и пилатес на силу, равновесие, амплитуду движений и, самое главное, на гибкость. Он мог коснуться лбом пальцев ног, держа ноги прямыми как палки — немалое достижение для крупного мужчины с мышцами тугими, как канаты.

Потом пошла тысяча повторов на пресс и кор¹, паливших мышцы живота, как кислота. Именно благодаря этому у него твердые, как гранит, косые мышцы живота и все восемь кубиков пресса, а пупок натянут настолько туго, что место, где некогда крепилась пуповина, больше напоминает бородавку. Дальше пошла плиометрия в предельном темпе, где он отталкивался от всех четырех стен и пола в ряде маневров, многие из которых измыслил сам.

Он был как Человек-паук, или Фред Астер, отплясывающий на потолке. У него в тюрьме имелось неуворот времени на планирование подобных штук. Его жизнь была очень упорядочена, но притом предусматривала уйму свободного времени. Большинство эзков попросту сидели и били баклуши. Не было никаких занятий или реабилитационных программ какого бы то ни было рода. Неофициальный девиз тюрьмы без обиняков гласил: «Реабилитация — для ссыкунов».

И наконец Марс бегал на месте — настолько долго, что потерял счет времени, всю дорогу с высоким подыманием бедра. Заниматься этим именно в данный день из всех прочих было чистейшим безумием, но он проделывал все это едва ли не каждый день с тех пор, как тут очутился, и отчасти воспринимал это как свой последний акт неповиновения. Этого им у него не отнять. Во

¹ Мышцы кора — важнейшие мышцы середины тела: косые мышцы, прямые мышцы живота, ягодичные мышцы, разгибатели спины, бицепсы бедер и множество других мышц, прилегающих к тазовым костям и бедрам.

всяком случае, ему не пришлось отвергать традиционную последнюю трапезу, потому что Техас ее больше не предлагает. Ему не хотелось быть вместилищем их говна до самого конца. Он предпочитал умереть натошак.

Никто его не навестил, потому что никто и не хотел навещать. Он был один-одинешенек, как все последние двадцать лет. Мелвин гадал, что будут писать в газетах на следующий день. Наверное, статья будет невелика. Ничего нового в том, что очередной черный получит летальную спа-процедуру от штата Одинокой Звезды. Дьявол, да он и фотки-то вряд ли заслуживает. Зато перечислят преступления, за которые его приговорили, — это уж наверняка. Только этим он многим и запомнится.

Мелвин Марс, убийца.

Он остывал, заливая стекающим потом бетон, уже изрядно изъеденный вещами куда похуже испарины. Приговоренные славятся тем, что испражняются на пол, прежде чем отправиться на встречу со смертью.

Когда дыхание пришло в норму, Марс сел на койку, опершись затылком о стену. В своей старой камере он называл стены Ридом, Сью, Джонни и Беном в честь Фантастической четверки — боевой команды супергероев. Хоть какое-то занятие в месте, где заняться совершенно нечем. Каждый день был заполнен тем, что Марс мог измыслить, заполнить его.

Он часто фантазировал о сексуальной Сью Шторм, но испытывал куда большее сродство с Беном Гриммом — Существом, фриком. Как спортсмен, Мелвин был фриком — в лучшем смысле.

Но мог быть и мыслителем, как башковитый Рид.

А еще он был сродни пламенному метеору Джонни Шторму — младшему брату Сью, потому что чувствовал себя в огне каждую секунду каждого дня. Главным образом потому, что каждый день здесь как две капли

ПОСЛЕДНЯЯ МИЛЯ

воды походил на остальные. В общем-то, пёкло на земле, отсюда и пламя.

Для него это был День 7342. Его последний день.

Он снова поглядел на часы.

Пять рисок до Судного дня.

Вскоре после заключения в тюрьму Марс провел год в одиночке. Причина была проста. Жизнь его кончилась, мечты разлетелись вдребезги, тяжкие труды пропали вотще, и он взбеленился сверх всякой меры. И каково же было наказание за избиение в говно трех эков, а потом за схватку с полудюжиной надзирателей — причем он держался более чем успешно, пока его не оглоушили тазером и не избили дубинками чуть ли не до смерти? Двадцать четыре часа в сутки в клетушке площадью шестьдесят квадратных футов с бойницей вместо окна в течение года. Ему не говорили ни слова. Он ни разу не видел человеческого лица. Ни разу не касался кожи другого человека. Пищу просовывали через щель в двери вместе с туалетной бумагой, да изредка с махровой салфеткой для мытья и мылом, а еще реже — с чистой тюремной робой.

Он принимал душ в углу, хлеставший то ледяной водой, то кипятком. Спал на полу, бормотал, кричал, матерился, а в конце рыдал. Именно тогда он и понял, что человеческие существа — к добру оно или к худу, — несомненно, творения социальные. И без общения сходят с ума.

И Марс *в самом деле* едва не рехнулся в этой камере. Это было в День 169. Он помнит это ясно, даже процарапал цифры на стене окровавленными ногтями. Рассудок почти покинул его, остался лишь крохотный лоскуток. И он уцепился за этот лоскуток, как за спасательный жилет в цунами, ставший его тихой гаванью в бурю. Сфокусировал его на воображаемой бывшей подружке Татьяне. В его воображении она стала теперь замужней женщиной с шестью детьми — широкобедрой

и расплывшейся, сердитой и несчастной и ужасно скучающей по нему. Но тогда эта воображаемая личность была безупречна. Ее лицо, ее тело, ее безграничная любовь к нему позволили ему пережить День 169, а потом протянуть еще 196 других.

Когда дверь открылась, первым лицом, которое он узрел, было лицо Татьяны, наложившееся на трехсотфунтовую тушу кошмарного молодого тюремщика-расиста, уместно прозванного Большим Хером, велевшего Марсу уносить свою мулатскую жопу, а то ему до конца жизни придется питаться через соломинку.

И когда это осталось позади, Мелвин Марс стал другим человеком. Он бы ни за что не сделал ничего такого, за что его могли бы упечь туда же. А если б и сделал, то знал бы, что покончит с собой. И не пришлось бы ждать смертной камеры.

Смертная камера.

Она прямо в конце коридора — Последней мили, как его прозвали. Но милей там и не пахнет. На самом деле всего тридцать футов, что к лучшему, потому что большинство мужиков валились с ног, не дойдя до камеры. Но при них были дюжие надзиратели, тащившие их до конца пути.

Отважен ты или нет, Техас все равно тебя прикончит.

Верховный суд обсуждал жестокие и необычные аспекты смерти от летальной инъекции, потому что в очень редких случаях зэк испытывает перед кончиной жуткие муки. Суд пришел к тому, что пусть все идет как есть и к черту ошеломительные муки. Разве жертвы приговоренных не испытывали ужасающие боль и страх? Так кто же может сказать, что суд не прав? Марс не мог. Он лишь уповал, что с ним поступят по справедливости.

Смертная камера невелика — девять на двенадцать футов, с веселенькими бирюзовыми стенами и металлической дверью, кажущейся совершенно неуместной,

учитывая назначение этого помещения. Тебя казнят, а не отправляют сибаритствовать на Карибы.

В центре комнаты установлена каталка в комплекте с удобной подушкой и крепкими кожаными ремнями. Есть еще две смежные комнаты со стеклянными стенами с видом на камеру. Одна — для семьи жертвы. Вторая — для семьи предаваемого казни.

Марс знал, что в его случае обе группы совпадают. И знал, что обе комнаты будут пусты.

Он сидел на койке, разящей смрадом его собственного пота, уносясь мыслями к единственным хорошим воспоминаниям, которые у него остались.

На Джамбо в мире студенческого футбола он не тянул, а для раннингбека¹ был великоват. Зато талантами не обижен. Для НФЛ люди вроде него были несомненными претендентами. Мелвин вошел в число соискателей Кубка Хайсмана² уже в выпускном классе — единственный тейлбек³ в группе, все остальные были квотербеками⁴. Он мог пробежать над, вокруг или попросту напрямик через любого. Он мог блокировать, а его мягкие ладони могли поймать мяч, отпасованный из бекфилда. И ему почти всегда удавалось заставить первого парня промахнуться инстинктивным движением в сторону — редкий талант, за который гуру из НФЛ хватались обеими руками.

¹ Раннингбек — игрок, находящийся за линией нападения и получающий мяч от квотербека посредством как паса, так и вкладывания.

² Кубок Хайсмана — трофей, присуждаемый лучшему игроку сезона в студенческом американском футболе.

³ Тейлбек — главный игрок в выносных комбинациях атакующей команды; также может ловить пасы (чаще всего короткие), выполняя роль последней надежды квотербека, если все остальные принимающие прикрыты.

⁴ Квотербек — игрок, получающий мяч от игрока центра, чтобы начать атакующую комбинацию; основной разыгрывающий. Занимает наиболее важное место в команде нападения.